

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Филиппова Софья Юрьевна

**Юридические действия как юридические факты в российском
гражданском праве**

Специальность 12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре коммерческого права и основ правоведения
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный консультант – *Абросимова Елена Антоновна,*
доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты – *Габов Андрей Владимирович,*
доктор юридических наук, член-
корреспондент Российской академии наук,
ФГБУН «Институт государства и права
Российской академии наук», сектор
предпринимательского и корпоративного
права, главный научный сотрудник;
Илюшина Марина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», кафедра
гражданского и предпринимательского
права, заведующий кафедрой;
Карелина Светлана Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»,
юридический факультет, кафедра
предпринимательского права, профессор

Защита диссертации состоится «17» ноября 2021 г. в 15 часов 00 минут
на заседании диссертационного совета МГУ.12.03 Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва,
Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет,
ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/390374934/>.

Автореферат разослан «___» сентября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Щербак

Введение

Актуальность темы. Гражданское право, основой которого является дозволительное правовое регулирование, использует собственный набор обстоятельств, с которыми связываются правовые последствия. Какие именно обстоятельства на каждом конкретном историческом этапе избираются правопорядком и фиксируются в качестве имеющих юридическое значение, зависит от целого ряда факторов самого разнообразного характера. В зависимости от изменения потребности в правовом регулировании в правовой системе появляются и закрепляются новые юридические факты, поэтому система юридических фактов каждой отрасли права является динамичным образованием. Все разнообразие юридических фактов укладывается в общепринятое деление на события и действия, однако внутри той и другой группы основания и критерии классификации изменяются в каждый исторический период.

Необходимость исследования юридических действий в гражданском праве связана с существенным обновлением гражданского законодательства в ходе масштабных изменений во втором десятилетии XXI в., в ходе которых были выделены новые юридические факты, которые должны быть осмыслены (решения собраний, согласия, заверения об обстоятельствах и пр.), и, соответственно, изменением устоявшихся правовых позиций Верховного Суда, выраженным в нескольких важнейших постановлениях Пленумов Верховного Суда. Разграничение сделок и поступков, квалификация решений собраний, исполнения обязанностей по договорному обязательству, заверений, гарантий, согласия, уведомления, - это насущные проблемы, имеющие не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, нуждающиеся в подробном изучении с целью актуализации существующих научных подходов в связи с изменением социальной реальности, на которую призвано воздействовать право. Не изученным является влияние, которое оказывает использование информационно-коммуникационных технологий на динамику юридических фактов. Законодательство, отвечая на вызовы

времени, включило нормы, регламентирующие использование транзакций в сети Интернет, электронных подписей, смарт-контрактов, однако как это влияет на традиционные представления о процессе формирования и выражения воли, остается неясным. В ситуации распространения коронавирусной инфекции правовые системы всех государств столкнулись с необходимостью оценивать поведение субъектов с учетом одновременного действия сил природы и решений государственных органов. Нормы права, которые были включены в законодательство для регулирования чрезвычайных ситуаций оказались в значительной степени схематичными, судами пришлось квалифицировать поведение субъектов и давать ему оценку без твердой научной концепции, объясняющей, какое поведение можно рассматривать как правомерное, а какое – как противоправное и до какой степени силы природы и актов государственных органов (обстоятельств вне контроля) влияют на формирование воли субъектов при совершении юридических действий. Существуют проблемы и с юридической квалификацией противоправного действия. Последние в науке гражданского права рассматриваются преимущественно применительно к институту ответственности и в таком виде главный упор делается только на одной разновидности противоправного действия — правонарушении, вместе с тем, гражданско-правовое значение противоправного действия простирается шире, чем только лишь как основание для привлечения к имущественной ответственности. Противоправное поведение (неисполнение обязательства, причинение вреда, нарушение обязанностей в корпоративном правоотношении и пр.) может быть вызвано не только не проявлением должной степени заботливости и осмотрительности, но и введением специальных правовых режимов государственными органами, нецелесообразностью исполнения и пр. Привлечение к ответственности не исчерпывает всех правовых последствий противоправного действия. В частности, к последствиям противоправного действия, не являющихся мерами имущественной ответственности можно отнести возникновение права на односторонний отказ от исполнения

обязательства, возникновение права требовать исключения участника из корпорации, возникновение права требовать расторжения договора, прекращение обязательства невозможностью исполнения, наступление обязанностей страховщика по выплате страхового возмещения или обеспечения, возникновение обязанностей поручителя, возникновения права залогодателя обратиться взыскание на предмет залога, и пр. Помимо тех правовых эффектов, наступление которых предусмотрено законом, существует и свобода договора, предполагающая возможность субъектов установить своим соглашением последствия противоправного поведения, причем как сторон договора, так и третьих лиц. Эти проблемы нуждаются в научном осмыслении с целью построения единой концепции юридического действия в гражданском праве. Философия и юридическая наука существенно продвинулись в понимании сущности свободы, воли, вины, соотношения субъективного и объективного, современные представления об этих феноменах должны быть использованы гражданско-правовой наукой, в связи с чем в ревизии нуждаются представления юридическом действии как наиболее значимом юридическом факте гражданского права. Все это обосновывает актуальность темы настоящего исследования.

Цель исследования состоит в формировании гражданско-правовой концепции юридических действий, влекущих правовые последствия, состоящие в возникновении, изменении, прекращении гражданских прав и обязанностей. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить предпосылки и этапы развития представлений о юридическом факте в российском гражданском праве;
- 2) выявить понятие, признаки и виды юридических фактов в гражданском праве;
- 3) определить место юридических действий в системе юридических фактов гражданского права;

- 4) определить юридическую сущность и последствия дефектности юридических фактов в гражданском праве;
- 5) определить природу и разновидности правовых эффектов юридического действия в гражданском праве;
- 6) выявить сущность и значение воли и волеизъявления в гражданско-правовом юридическом действии;
- 7) определить способы формирования и выражения воли на совершение юридического действия различными субъектами гражданского права;
- 8) определить понятие правомерных действий в гражданском праве;
- 9) выявить сущность юридических актов и поступков как юридических фактов гражданского права;
- 10) дать понятие и выявить квалификационные признаки противоправных действий в гражданском праве;
- 11) определить гражданско-правовой эффект противоправного действия;
- 12) классифицировать гражданско-правовые противоправные действия.

Объект исследования составили порождаемые волей человека обстоятельства реальной действительности, с которыми связаны гражданско-правовые последствия.

Предмет исследования представляют собой нормативные правовые акты, устанавливающие требования и правовые последствия к совершению волевых действий; акты судебных органов, содержащие правоприменительную практику применения правовых норм, регламентирующих возникновение правовых последствий волевых действий в гражданском праве; доктринальные источники, содержащие осмысление теории юридического факта в гражданском праве.

Теоретическую основу работы составили труды отечественных дореволюционных, советских и современных ученых, в том числе работы Е.А. Абросимовой, М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, Б.С. Антимона, К.М. Арсланова, В.А. Белова, В.С. Белых, А.М. Беляковой, С.А. Беляцкина, Л.Ю.

Василевской, В.В. Витрянского, А.В. Габова, Д.М. Генкина, А.Х. Гольмстена, Д.Д. Гримма В.В. Груздева, В.В. Губина, О.В. Гутникова, М.Н. Илюшиной, О.С. Иоффе, В.Б. Исакова, Н.В. Козловой, О.А. Красавчикова, Д.В. Ломакина, Л.А. Лунца, Н.С. Малеина, Г.К. Матвеева, В.С. Мельникова, И.Б. Новицкого, Л.А. Новоселовой, В.А. Ойгензихта, О.М. Олейник, И.С. Перетерского Л.И. Петражицкого, Э.Э. Пирвица, И.А. Покровского, Б.И. Пугинского, Н.В. Рабинович, В.К. Райхера, М.А. Рожковой, В.А. Рясенцева; О.Н. Садикова, И.С. Самощенко, С.В. Сарбаша, К.И. Скловского, В.Л. Слесарева, Е.А. Суханова, В.А. Тархова, Ю.К. Толстого, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфиной, Ф.С. Хейфеца, М.Д. Шаргородского, В.П. Шахматова, В.Ф. Яковлева, и др.

Степень разработанности темы. Правомерные юридические действия как отдельный, наиболее распространенный вид юридических фактов гражданского права, специально не исследовались сравнительно давно. К вопросам сущности сделки обращались в дореволюционной литературе. В частности, этому вопросу посвящена докторская диссертация Д.Д. Гримма¹. Одной из первых работ, посвященных наиболее распространенным юридическим действиям в гражданском праве, опубликованных в советский период, стал комментарий к Гражданскому кодексу И.С. Перетерского². Специально проблема сделок осмысливалась в статье М.М. Агаркова «Понятие сделки по советскому гражданскому праву», опубликованной в журнале «Советское государство и право»³. Значительный вклад в развитие теории юридических актов внес О.А. Красавчиковым в монографии «Юридические факты в советском гражданском праве» (М., 1958)⁴. Эта работа была основана на кандидатской диссертации ученого, защищенной в 1950 г.

¹ См.: Гримм Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной доктрине пандектного права. СПб., 1900.

² См.: Перетерский И.С. // Гражданский кодекс РСФСР: научный комментарий с учетом гражданских кодексов союзных республик / Под ред. С.М. Прушицкого, С.И. Раевича. Вып. V. М., 1929.

³ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. II. М., 2002. С. 333–360.

⁴ См.: Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 49–241.

Одновременно (в 1951 г.) была защищена кандидатская диссертация В.П. Шахматова на тему «Основные проблемы теории сделки по советскому гражданскому праву», работа И.Б. Новицкого «Сделки. Исковая давность» (М., 1954)⁵. В 1982 г. вышла работа В.С. Толстого «Законодательство о сделках. Спорные вопросы практики его применения». Целый ряд работ советского периода был посвящен проблеме недействительности сделки, в частности, монографии и статьи Д.М. Генкина, В.А. Рясенцева, В.П. Шахматова, Н.В. Рабинович и пр.

В современной науке отдельные аспекты теории правомерного юридического действия изучались в работах О.В. Гутникова, В.С. Мельникова⁶, К.И. Скловского⁷, Н.В. Козловой⁸, М.А. Рожковой, а также соответствующих разделах учебников гражданского права⁹. В юридических журналах последних лет было опубликовано несколько статей по проблемам юридических фактов вообще и правомерных юридических действий – в частности¹⁰, в последнее время значительное внимание уделяется особенностям сделок и иных правомерных действий, совершаемых в сети Интернет¹¹.

⁵ Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М., 2006. С. 180–456.

⁶ Мельников В.С. Сделки в гражданском законодательстве Российской Федерации. М., 2003.

⁷ Скловский К.И. Сделка и ее действие. 2-е изд. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2016.

⁸ Козлова Н.В. Гражданско-правовая сделка как юридический факт в динамике гражданско-правового отношения // Предпринимательское право: современный взгляд: Монография / Отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М., 2019. С. 316–344.

⁹ См. напр.: Белов В.А. Гражданское право. Т. II. Общая часть. Лица, блага, факты: Учебник для бакалавров. М., 2012.

¹⁰ Белов В.А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) / Сделки: проблемы теории и практики. М., 2008. С. 5–118; Панов А.А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. № 1.

¹¹ См.: Петров Д.А. «Роботизация» на торгах в эпоху цифровой экономики: бизнес-процесс или способ обхода закона? // Гражданское право. 2018. № 5. С. 12–15; Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5; Даниленко А.В. Квазинотариальная форма электронных сделок // Нотариус. 2017. № 6. С. 15–19; Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23–30; Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5–7.

Вопросам природы и классификации противоправного действия никогда не посвящалось специальных научных исследований, несмотря на несомненную значимость этого понятия для науки гражданского права. Этот вопрос рассматривается либо в работах, посвященных юридическим фактам, либо посвященным ответственности, причем и там, и там он является лишь сопровождающим основную проблематику.

Проблемы противоправных действий так или иначе затрагивались в работах ряда дореволюционных, советских и современных отечественных ученых. Одно из немногих отечественных дореволюционных исследований, специально посвященных вопросам недозволенных действий — работа П.Н. Гуссаковского «Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными действиями», опубликованная в трех изданиях «Журнал Министерства Юстиции» в 1912 г., а затем вышедшая отдельной брошюрой. В работе автор критически оценивает рассмотрение вознаграждения за вред, причиненный недозволенными действиями как вид ответственности, делает вывод, что для такого вознаграждения вина не значима, поскольку этот институт выполняет совершенно иные функции, подробно анализирует сущность недозволенного действия и приводит их классификацию. Весьма активно проблемы противоправных действий разрабатывались в науке теории права. В частности, работа И.С. Самощенко, опубликованная в 1963 г. «Понятие правонарушения по советскому законодательству» содержит основательное теоретико-правовое исследование сущности правонарушения, и несмотря на общетеоретический характер работы, во многих своих выводах ученый опирается на работы цивилистов.

Среди наиболее значимых цивилистических работ советского периода, затрагивающих проблему квалификации противоправных действий, так, существенный вклад внесла работа Б.С. Антимонова «Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении» (1950), работа Е.А. Флейшиц «Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения» (1951), а также работа О.С. Иоффе «Ответственность по

советскому гражданскому праву» (1955). Множество работ, посвященных проблемам ответственности, опубликованы в 70-80 х годах XX века, в частности, работы Г.К. Матвеева «Основания гражданскоправовой ответственности» (1970), В.А. Тархова «Ответственность по советскому гражданскому праву» (1973), В.Л. Слесарева «Объект и результат гражданского правонарушения» (1980). Весьма значимыми для рассматриваемой тематики являются работы Н.С. Малеина «Возмещение вреда, причиненного личности» (1965) и «Правонарушение: понятие, причины, ответственность» (1985). Весомый вклад в развитие представлений о причинении вреда внесла работа Беляковой А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (1986) и ряд статей этого же автора. Можно заключить, что теория противоправных действий развивалась благодаря исследования советских ученых и в завершенном виде сложилась к концу XX века.

В постсоветский период теория противоправного действия получила определенное развитие применительно к отдельным сферам. В частности, довольно много работ посвящено противоправным действиям в области корпоративного права. Можно отметить монографическое исследование О.В. Гутникова «Корпоративная ответственность в гражданском праве (2019).

Опубликован целый ряд сравнительно-правовых исследований, касающихся проблематики последствий нарушения обязательства, соотношения деликтной и договорной ответственности, чисто экономических убытков и пр. В последние годы ряд изданий сравнительно-правового характера подготовлен в рамках проекта «Принципы европейского деликтного права» Европейской группой деликтного права. Все эти работы и выводы, содержащиеся в них, были исследованы при подготовке настоящей диссертации.

Эмпирическую основу работы составили опубликованные решения судебных органов, а также договорная практика ряда коммерческих юридических лиц.

Методологическая основа работы. При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе, исторический, сравнительно-правовой, социологический, формально-логический методы познания. Исследуемые явления рассматривались в единстве и целостности, поэтому использовались метод структурно-функционального анализа и системный подход к рассмотрению правовых феноменов. Значительное внимание в работе уделяется исследованию правореализационной деятельности, поэтому методологической основой работы стали также деятельностный и инструментальный подходы, обоснованные автором в предыдущих научных работах.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые в постсоветский период дана юридическая квалификация юридических действий, служащих основанием возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей. Научная новизна диссертации находит отражение в положениях, выносимых на защиту.

Положения, выносимые на защиту.

1. Доказано, что под юридическим фактом в гражданском праве следует понимать субъективно воспринятое произошедшее обстоятельство реальной действительности, признанное правом в качестве вызывающего правовой эффект, состоящий в возникновении, изменении или прекращении гражданских субъективных прав и обязанностей. В силу сущности права как социального регулятора, способного воздействовать только на человеческое поведение, обстоятельство объективной реальности, не воспринятое человеком, не порождает правовые последствия.
2. Установлено, что квалификация юридических фактов в гражданском праве производится по ряду признаков (наличие воли, её направленности, отношению к своему поведению и его последствиям), которые имеют правовое значение при выражении во внешнем мире в форме, доступной для восприятия людьми. При квалификации конкретного юридического факта, его волевое содержание интерпретируется исходя из обычного значения, которое

придается подобным внешним выражениям волевого содержания юридического факта в сходных условиях.

3. Доказано, что для формирования состояния определенности гражданских правоотношений внешнее восприятие юридических фактов должно фиксироваться способами, исключающими сомнения в достоверности такой фиксации, которые определяются императивными или диспозитивными нормами в зависимости от значимости юридического факта. Императивными нормами регулируются порядок и условия фиксации фактов, с которыми связывается возникновение и прекращение правосубъектности, введение в оборот и изъятие из оборота наиболее ценных объектов права, иные особо значимые правовые последствия. Фиксации восприятия иных фактов может производиться любыми способами, установленными диспозитивными нормами закона, правовыми обычаями, согласованными участниками гражданского оборота в договоре, следующими из деловых обыкновений, и пр.

4. Обосновано, что произведенное по волевому содержанию деление юридических фактов на события и действия предназначено для установления пределов правового регулирования, которому могут подвергаться только действия как восприятия юридически значимых аспектов сознательной, целенаправленной активности людей. По признаку правомерности подлежат правовой оценке только юридические действия, но не события. Для сферы гражданского права не может быть установлено исчерпывающего перечня юридических действий, признаваемых в качестве юридических фактов, поскольку они выводятся из общего начала и смысла гражданско-правового регулирования, фиксируемого преимущественно в источниках неписаного права (принципах права, правовых обычаях) в конкретный исторический момент исходя из текущих экономических и социальных потребностей. Свободное волеформирование при совершении юридического действия является предпосылкой возложения на субъекта юридических обязанностей и ответственности.

5. Установлено, что среди юридических событий для торгового оборота особое значение приобретают естественная убыль, порча и гибель вещей, которые представляют собой обусловленные природными свойствами вещи или внешним воздействием на вещь процессы, в результате которых прекращается существование вещи как объекта права, меняется ее правовой режим или хозяйственное назначение. Исходя из классификации юридических фактов, естественная убыль представляет собой абсолютное событие, в результате которого уменьшается количество вещей при сохранении их качества. Порча вещи представляет собой ухудшение качественных характеристик имущества, может являться как абсолютным, так и относительным событием, поскольку может наступать как вследствие естественных факторов, так и в результате действий человека. Гибель вещи рассматривается как полная утрата вещию ее полезных свойств. Для прогнозирования момента гибели вещи от ее естественных свойств используется срок годности, который представляет собой научно и технологически обусловленный срок, по истечении которого вещь становится непригодной для использования и может составлять опасность для жизни и здоровья, а потому изымается из оборота. Исходя из функционального назначения срок годности, критически оценивается практика продления срока годности в отношении товаров, уже введенных в оборот.

6. Доказано, что следует различать зафиксированный юридический след и правовой эффект юридического действия. Зафиксированный юридический след действия содержит представления об ожидаемом правовом или фактическом результате этого действия (договор, доверенность, устав), а правовой эффект действия - совпадающий или не совпадающий с ожидаемым и зафиксированным в следе правовой результат действия, состоящий в возникновении, изменении или прекращении правоотношения. Пороки действия могут касаться нарушения процесса формирования и выражения воли, пороки представлений об ожидаемом результате – содержания тех прав

и обязанностей, которые лицо или лица, совершившие действия, стремились создать.

7. Предложено выделять два критерия дефектности юридического факта: а) юридический, б) социальный. Юридический критерий представляет собой оценку обстоятельства на соответствие правовой норме, а социальный критерий предполагает оценку соответствия обстоятельства придаваемому ему смыслу в общественном сознании и ожиданиям. Для выявления социального дефекта необходимо выявлять задачи, для решения которых была установлена данная правовая возможность. Выявление социальных дефектов предполагает исключительно человеческую деятельность, не может быть осуществлено с помощью технологий искусственного интеллекта, поскольку выявление пороков, связанных с целью совершения действия, и сопоставление этой цели с назначением права основано на чувстве права, этики и нравственности, понимании добра, справедливости, блага. Через возможность признания обстоятельства дефектным в связи с несоответствием назначению право из искусственной логической системы преобразуется в гуманитарную и этическую систему.

8. Обосновано, что использование логической операции дихотомического деления при классификации правомерных юридических действий на акты и поступки приводит к тому, что все существующие правомерные юридические действия (заверения об обстоятельствах, согласия на совершение сделок, отказы, исполнение обязательств, смарт-контракты, транзакции в сети Интернет, принятие решений собраний и пр.) могут быть отнесены либо к актам, либо к поступкам в зависимости от наличия или отсутствия направленности воли на создание правовых последствий. Существование правомерных действий, не относящихся к актам или поступкам, невозможно. Правовое значение отнесения действия к юридическому акту или юридическому поступку состоит в определении требований к: а) дееспособности лица, совершающего действие, б) процессу формирования воли лица, совершающего юридическое действие, в) форме

волеизъявления при совершении действия, г) основаниям и последствиям дефектности юридического действия.

9. Доказано, что в отсутствие специальных норм, определяющих требования к формированию и выражению воли на совершение юридических поступков, регулирование может производиться либо по аналогии закона или по аналогии права (ст. 6 ГК РФ). Применение к юридическим поступкам норм о сделках по аналогии закона требует сопоставления условий и содержания соответствующего обстоятельства для выявления его сходства со сделкой. В частности, при совершении юридического поступка воля лица должна формироваться свободно, лицо должно действовать своей волей и в своем интересе (ст. 1 ГК), поэтому при дефектах формирования воли на совершение поступка (совершение поступка под влиянием насилия, угрозы, обмана, заблуждения, тяжелого стечения обстоятельств), исходя из целей правового регулирования, подлежат применению по аналогии закона правила о недействительности сделок, поскольку применение таких правил позволяет защитить пострадавшее от совершения дефектного поступка лицо, напротив, не подлежат применению по аналогии закона требования к дееспособности, установленные для совершения сделки, поскольку для совершения юридических поступков не требуется уровень осознания значения своих действий, и способность руководить этими действиями соответствующий уровню, необходимому для совершения сделок.

10. Доказано, что правовая регламентация возможна в отношении процесса индивидуального выражения сформированной воли физического лица, тогда как регламентация процесса индивидуального формирования воли физического лица невозможна, поскольку он не является поведением.

11. Доказано, что для юридического лица выявление содержания действия основано на оценке соблюдения процедуры формирования и выражения его воли людьми (участниками, членами органов управления, работниками) в соответствии с требованиями закона и учредительного документа. Для квалификации действия человека в качестве действия юридического лица

используются индивидуализирующие и идентифицирующие маркеры (наименование, фирменное наименование, подпись, печать), а также сопоставление действия человека (члена органа юридического лица) с установленной компетенцией органа юридического лица; полученным человеком (работником) заданием.

12. Обосновано, что при совершении действий унитарными юридическими лицами регламентирован процесс выражения воли унитарного юридического лица, а процесс формирования его воли подчиняется требованиям, предъявляемым к процессу формирования и выражения воли его учредителя (физического лица, юридического лица или публично-правового образования).

В отношении совершения действий корпоративными юридическими лицами регламентирован процесс как выражения, так и формирования воли корпоративного юридического лица, что связано с необходимостью преодоления конфликта интересов его участников.

В отношении совершения действий публичными образованиями регламентирован процесс формирования и выражения воли, причем процесс формирования воли регулируется нормами публичного, а не гражданского права, поскольку основывается на властно-распорядительных функциях органов государства. При совершении юридических действий выражение воли публичного образования преимущественно осуществляется в форме административного акта.

13. Доказано, что при коллективном формировании и выражении воли следует выделять: а) совместное формирование и выражение воли; б) совпадающее формирование и выражение воли.

Совместное формирование и выражение воли предусматривает возможность совершения юридического действия только сообща несколькими субъектами. В этом случае разногласие в группе субъектов, формирующих совместную волю, является препятствием к совершению правомерного действия.

Совпадающее формирование и выражение воли позволяет совершить юридическое действие при согласии большинства участников группы лиц при игнорировании воли меньшинства участников группы и основано на признании фикции вмененного интереса юридического лица или иной группы лиц, использующей совпадающее формирование и изъявление воли.

Формирование и выражение воли коллегиальным органом юридического лица при совершении юридического действия представляет собой облеченный в юридическую форму стандартизованный по процедуре процесс гармонизации разнонаправленных интересов с учетом рисков, результатом которого будет сформированная и выраженная вовне воля юридического лица. Основной юридической процедурой, используемой для обеспечения процесса формирования и выражения воли коллегиальным органом юридического лица является решение собрания.

14. Установлено, что квалификационное значение имеет входящее в волевое содержание юридического действия осознание лицом только основного правового последствия, при этом осознание дополнительных правовых эффектов, сопутствующих и дополняющих основное правовое последствие, не требуется для квалификации юридического действия в качестве юридического акта. Правовое последствие выводится из каузы, зафиксированной в законодательном регулировании совершения соответствующего действия, и отражается в судебной практике через категорию «существа гражданско-правового регулирования», используемую для выявления императивных норм. Квалификационное значение основного правового последствия базируется на презумпции знания стандартных последствий совершаемых действий средним человеком и не требует выявления фактического понимания конкретным участником гражданского оборота, обладающим необходимым уровнем дееспособности, последствий совершения данного юридического действия. Сведения об основном гражданско-правовом эффекте юридического действия включены в обыденное правосознание, источником знаний являются помимо

нормативных правовых актов, а также правовые обычаи, фиксирующие воспринимаемый обществом в качестве нормального правовой эффект юридического действия. В целях внедрения в обывденное правосознание знания об изменениях гражданского законодательства требуется значительный переходный период, в течение которого должны проводиться мероприятия пропагандистско-воспитательной направленности для информирования населения, и разъяснения содержания нововведений. Без надлежащей организации правового воспитания нельзя добиться эффективности гражданского законодательства.

15. Установлено, что противоправное действие в гражданском праве представляет собой обладающее свойством социальной вредности юридически значимое поведение субъекта гражданского права, не соответствующее модели поведения, дозволенной нормами гражданского права в данных обстоятельствах и нарушающее субъективное гражданское право участника гражданских правоотношений. Противоправное действие может вызывать правовой эффект в виде возникновения, изменения или прекращения различных правоотношений, как с участием лица, совершившего противоправное действие, так и без его участия. Для определения правовых последствий противоправного действия квалификационное значение имеет его волевое содержание, позволяющее выделить правонарушения, действия в обход закона, злоупотребления правом и иные противоправные действия. Исключение гражданской ответственности за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны (ст. 1066 ГК), установление особенностей возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК) обусловлено спецификой волевого содержания данных действий.

16. Установлено, что личность и поведение потерпевшего влияют на квалификацию противоправного действия и его гражданско-правовые последствия, таким образом что, поведение потерпевшего образует для субъекта, совершающего противоправное действие, элемент окружающей обстановки и косвенно детерминирует его поведение. Отсутствие

потерпевшего или отсутствие воли потерпевшего на возникновение правовых последствий противоправного действия влияет на наступление правового эффекта совершения противоправного действия, что требует учета при организации превентивного направления правовой работы.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования используются автором настоящей диссертации в учебном процессе, при проведении лекций и практических занятий на юридическом факультете Московского университета имени М.В. Ломоносова, по курсам: «Гражданское право», «Коммерческое право», «Исполнение договорного обязательства», «Актуальные проблемы имущественной ответственности», «Уставный капитал. Изменение состава участников корпорации», «Защита прав субъектов корпоративных правоотношений», «Инструментальный подход в частном праве», «Правовое регулирование электронной торговли». Основные выводы опубликованы в монографиях и научных статьях автора, были представлены в публичных выступлениях на конференциях, в частности, в 2021 г. в докладе «Юридические действия как основания возникновения, изменения и прекращения корпоративных правоотношений» на Всероссийской конференции «Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства», в докладе «Нотариальные действия по фиксации юридических фактов, имеющих гражданско-правовых отношений» на III научно-практической конференции с международным участием им. С.А. Зинченко «Система укрепления прав участников имущественных отношений, роль и место нотариата», в 2020 г. в докладе «Формирование воли юридического лица на совершение противоправного действия» на международной научно-практической конференции «Модернизация гражданского законодательства». XV Ежегодные научные чтения, посвященные памяти профессора С.Н. Братуся, в 2019 году в докладе «Решение собрания - способ обеспечения баланса интересов участников коммерческой корпорации или средство эскалации корпоративного конфликта?» на IX Международном конгрессе сравнительного правоведения

«Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения», в докладе «Правовые последствия дефектности отдельных условий договора при использовании технологии смарт-контракта» на Международной конференции «Гражданско-правовые юбилеи» к 110-летию со дня рождения Р.О. Халфиной. Договоры в цифровую эпоху», в докладе «Юридический поступок: проблемы квалификации и применения норм о сделках» на Второй научно-практической конференции с международным участием имени С.А. Зинченко «Актуальные проблемы правового регулирования и нотариального удостоверения сделок в Российской Федерации», а также в выступлениях на других научных мероприятиях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сделанные выводы и предложения могут использоваться в учебном процессе при проведении занятий по курсу «Гражданское право», а также в правореализационной и правоприменительной практике при юридической квалификации обстоятельств реальной действительности, вызывающих правовые последствия.

Структура работы. Работа состоит из четырех глав, объединяющих 14 параграфов, введения, заключения и списка использованной литературы.

Краткое содержание работы

В первой главе *«Юридические действия в системе юридических фактов»* рассматриваются проблемы определения места юридического факта в динамике гражданского правоотношения, выявляется соотношение объективного и субъективного в юридическом факте, в связи с выявлением основного назначения юридического факта – его вызывания гражданско-правовых последствий, показаны особенности юридической причинности и ее отличия от иных видов причинности. Глава состоит из пяти параграфов. В первом параграфе *«Эволюция представлений о юридическом факте в российском гражданском праве»* рассматриваются основные подходы к пониманию юридического факта на разных этапах развития юридической науки. Сделан вывод о том, что теория юридического факта в науке

гражданского права сформировалась к середине XX века, в дальнейшем серьезно не изменялась, несмотря на развитие экономических и общественных отношений, изменение идеологии, пересмотр базовых ценностей, подлежащих правовой охране. Констатируется отсутствие адекватного объяснения сущности новых явлений при использовании традиционной теории юридического факта.

Во втором параграфе *«Понятие и классификация юридических фактов»* исследуются концептуально различающиеся подходы к юридическому факту, сложившиеся в юридической доктрине до XX века, в частности, концепции Г. Кельзена, Ф.К. фон Савиньи, Д.Д. Гримма, Г.Д. Гурвича, Л.И. Петражицкого, и др., сделан вывод о том, что теория юридического факта развивалась в первую очередь под воздействием позитивистского правопонимания. Критически оцениваются основные подходы к пониманию юридического факта, в советской и современной юридической литературе. Выявляется сущность юридической причинности, показывается субъективизм в выявлении и фиксации юридического факта. Автор приходит к выводу, что юридические факты представляют собой явления реальной действительности, существующие независимо от сознания человека, при этом квалификация определенного обстоятельства в качестве юридического факта требует двойной субъективной оценки: а) предварительной – на стадии фиксации в гипотезе правовой нормы требуется воля законодателя для выявления в жизненном потоке значимого, наиболее важного, а также корректного его описания – достаточно полного, для того чтобы можно было выделить обстоятельство, и при том достаточно абстрактного, чтобы избежать избыточной казуистичности и обеспечить нормативность правила, закрепленного в законе; б) последующей – на стадии реализации права, когда субъекты правореализационной деятельности и правоприменители сличают реальную жизнь с этим описанием и в ней обнаруживают элементы, соответствующие гипотезе правовой нормы. Юридические факты в гражданском праве отвечают признакам существования

в реальной действительности, ретроспективности, отрицательный факт не является юридическим фактом, но отсутствие определенного обстоятельства может выступать юридическим препятствием к возникновению или осуществлению субъективного права, полагаем, что упущение – т.е. осознанное субъектом бездействие в ситуации существующего выбора действовать или нет – представляет собой форму выражения воли и может, таким образом, представлять собой юридический факт. Таким образом, представляется, что положительный юридический факт может быть осуществлен в том числе и путем упущения (пассивного поведения).

Отмечается, что придание обстоятельствам юридического значения может осуществляться путем: а) прямого указания в законе; б) признания судами и иными правоприменительными органами правового значения определенного жизненного обстоятельства для создания правовых последствий; в) признания таких обстоятельств юридически значимыми договорной практикой, деловыми обыкновениями или обычаями. Рассматриваются существующие классификации юридических фактов в гражданском праве, показана специфика и различия действий и событий как юридических фактов, доказывається, что субъективная оценка и волевой компонент присутствует и в событиях, этот вывод доказывається подробным исследованием некоторых распространенных абсолютных и относительных событий, встречающихся в гражданских и преимущественно коммерческих правоотношениях. Делается вывод, что события приобретают правовое значение только в случаях, прямо указанных в законе. Для коммерческого оборота наибольшее значение имеют события, влияющие на правовой режим товаров, а именно естественная убыль, порча и гибель вещей. Естественная убыль, порча и гибель вещи представляют собой процессы, обусловленные природными свойствами вещи или внешним воздействием на вещь, в результате которых изменяется правовой режим вещи или она прекращает свое физическое существование. Естественная убыль всегда представляет собой абсолютное событие, которое приводит к уменьшению количественных

характеристик вещи при сохранении ее качественных характеристик. Естественная убыль относится к риску собственника и не находится в причинной связи с поведением человека, поэтому уменьшение количества вещей собственника, подлежащих возвращению, не образует состава противоправного действия и не может влечь имущественную ответственность. Перенесение потерь от естественной убыли на должника по договорному обязательству может производиться только в рамках договорного условия о возмещении потерь. Порча имущества представляет собой ухудшение качественных характеристик имущества. Порча может являться следствием как естественных факторов, так и стать результатом противоправных действий человека, поэтому правовые последствия порчи зависят от причин ее возникновения. Порча имущества, ставшая следствием нарушения условий хранения, транспортировки и пр. образующих противоправное действие влечет имущественную ответственность, а порча имущества вследствие действия внутренних химических, биологических, физических и пр. процессов, происходящих в имуществе, является абсолютным событием и относится к риску собственника имущества. Не находясь в причинной связи с поведением человека, такая порча не может влечь имущественную ответственность. Крайняя степень порчи имущества — гибель вещи — представляет собой полную утрату вещью своих полезных свойств. Для прогнозирования момента гибели вещи от ее естественных свойств используется срок годности, под которым понимается научно и технологически обусловленный срок, по истечении которого вещь становится непригодной для использования и может составлять опасность для жизни и здоровья. Исходя из функционального назначения срока годности, он не подлежит продлению в отношении товаров, уже введенных в оборот, и не допускается сокращение или продление этого срока по соглашению. Однако при изменении условий изготовления и хранения товаров допускается изменение срока годности в отношении будущих товаров, а также допускается

договорное увеличение периода времени до окончания срока годности передаваемого по договору товара.

Рассматривается использование заместителей юридических фактов – презумпций и фикций, значение которых состоит в создании определенности гражданских правоотношений в ситуации неопределенной окружающей действительности. Рассматриваются особенности сложных юридических фактов и фактических составов. В третьем параграфе *«Место юридических действий в системе юридических фактов»* анализируется сущность юридического действия, выделяются признаки действия, отличающие его от иных юридических фактов. Автор приходит к выводу, что юридическое действие – это отражение юридически значимых аспектов сознательной, целенаправленной активности людей. Анализируются различные классификации юридических действий, начиная с первой известной, предложенной Ф.К. фон Савиньи, а также известных отечественных классификаций В.М. Хвостова, М.М. Агаркова, О.А. Красавчикова. Критически оценивается целесообразность выделения результативных действий как отдельного вида юридических фактов. Сделан вывод о том, что поскольку деление действий на акты и поступки проведено по признаку наличия или отсутствия направленности воли на создание правового результата, то никаких иных юридических действий не может выделяться исходя из логической операции, которая использована при данной классификации. Исходя из этого общего вывода дана критическая оценка ряду разновидностей юридических действий, выделяемых в юридической литературе, в частности, сделкоподобных действий, квазисделок и пр. Гражданско-правовой эффект в виде возникновения, изменения или прекращения субъективных прав и обязанностей или перемещения блага может вызываться индивидуальным юридическим действием или совокупностью обстоятельств, включающих юридическое действие. Посредством установления в законе элементов фактического состава законодатель ограничивает свободу усмотрения субъектов, сдерживает их

инициативу, ограничивает поведение субъектов в рамках дозволенного частноправового регулирования. В установлении фактических составов проявляются императивные начала регулирования некоторых отношений и обеспечивается более высокая избирательность правового регулирования. В четвертом параграфе *«Подходы к определению правового эффекта юридического действия»* предлагается понятие правового эффекта юридического действия, разграничиваются понятия правового эффекта и правовых последствий, рассматриваются основные виды правовых эффектов юридических действий. Правовые последствия юридических действий делят на две категории: а) связанные с движением правоотношения; б) наступающие в результате осуществления правоотношения. К первым отнесены возникновение, изменение и прекращение правоотношения, вторые носят фактический, а не юридический характер, состоят в перемещении вещей, выселении людей, консервации объектов и пр. Разделение правовых эффектов на юридические и фактические необходимо для квалификации направленности воли субъекта и влияют на определение вида юридического действия, а значит и требуемый объем дееспособности, порядок формирования и выражения воли. Исследована проблема соотношения юридического действия и его правового эффекта. Проанализирована динамика правоотношения, на примере договорного обязательства, корпоративного правоотношения. Выявлено, что между юридическим действием и возникшим правоотношением есть промежуточный элемент, фиксирующий в доступной для восприятия форме след произошедшего действия и ожидаемых правовых последствий этого действия. В дальнейшем этот след позволяет ретроспективно оценивать обстоятельства, при которых совершалось действие. Исследовано соотношение пороков действия и пороков зафиксированного следа действия. Пороки действия могут касаться нарушения процесса формирования и выражения воли, а пороки результата действия – содержания тех прав и обязанностей, которые лицо или лица, совершившие действия, стремились создать. Сделан вывод, положения ст. 180

ГК РФ, касающиеся недействительности части сделки, относятся к недействию, у которого никаких частей нет, а к порокам ожидаемых результатов действия, которые могут иметь сложный характер, включать в себя несколько разных, в том числе и не связанных между собой прав и обязанностей, которые желали получить субъекты (один субъект). Один или несколько ожидаемых результатов могут оказаться юридически недостижимыми, что не порочит остальные ожидаемые результаты. Если же порок существует в самом действии, то недействительным являются все ожидаемые результаты. Сделан вывод о том, что гражданское законодательство в динамике гражданского правоотношения выделяет следующие элементы: а) условия возникновения правоотношения; б) основание возникновения правоотношения; в) фиксирующий ожидаемый правовой эффект след; г) правовой эффект в виде возникновения правоотношения; д) фактическое поведение обязанного лица, направленное на исполнение обязанности; е) правовой эффект в виде прекращения правоотношения. Рассматривается проблема возможности отмены юридического действия. Делается вывод о том, что об отмене факта реальной жизни говорить нельзя в любом случае. Речь может вестись лишь о: а) переоценке случившегося факта, когда свершившееся обстоятельство реальной действительности перестает восприниматься как не имеющее правового значения и ему придается правовое значение, или его правовые последствия не совпадают с ожидавшимися при его совершении субъектом, или б) создании нового правового эффекта, частично или полностью перекрывающего собой эффект, вызванный первым юридическим фактом.

В пятом параграфе *«Правовая квалификация дефектных юридических фактов»* рассматривается понятие дефекта юридического факта и показаны основные виды дефектов и их правовые последствия. Обстоятельство, в силу неверной юридической квалификации вызвавшее иной правовой эффект, чем ожидали субъекты права или не вызывающее правового эффекта является дефектным юридическим фактом. Правовые последствия дефектности юридического факта зависят от конкретной жизненной ситуации, в которой

произошла неверная квалификация, в частности, от круга субъектов, в правовой сфере которых наступил правовой эффект, формирования воли при совершении действия и законодательной оценки поведения субъектов. Сделан вывод о существовании двух критериев дефектности юридического факта: а) социальном, б) юридическом. Юридический критерий представляет собой оценку обстоятельства на соответствие правовой норме, а социальный критерий предполагает оценку соответствия обстоятельства придаваемому ему смыслу в общественном сознании и ожиданиям. Существование возможности оценки обстоятельства не только с формально-юридической, но и с социальной стороны примиряет догматическую конструкцию юридического факта с реальностью, и через возможность признания обстоятельства дефектным в связи с несоответствием назначению право из искусственной логической системы преобразуется в систему гуманитарную и этическую. Выделяется абсолютная и относительная дефектность юридических фактов, рассматриваются правовые последствия различных видов дефектов. Правомерное юридическое действие может быть переqualифицировано вследствие обнаруженного в нем дефекта (недействительность сделки, решения собрания, незаключенный договор, несостоявшиеся торги), правовой эффект юридического действия может быть изменен или прекращен новым юридическим фактом, однако само юридическое действие в силу свойства его ретроспективности не может быть отозвано или отменено.

Во второй главе *«Правовое значение воли при совершении юридического действия»* рассматривается процесс формирования и выражения воли субъектов при совершении юридического действия. В первом параграфе «Воля и волеизъявление в юридическом действии» рассмотрено понятие воли, показана разница между философским, психологическим и юридическим пониманием воли, исследована концепция автономии воли, отмечено, что поскольку большая часть субъектов гражданского права не является людьми, не обладают сознанием, то юридическое понятие воли не

может основываться на психологических теориях воли. Именно поэтому автор соглашается с позицией тех ученых, которые полагают, что для правовой сферы имеет значение не психические процессы, а выражение во внешний мир определенных воспринимаемых другими лицами сигналов и стимулов. Показано соотношение воли и волеизъявления, сделан вывод о том, что процесс формирования воли физических лиц не подлежит правовой регламентации, поскольку он представляет собой не выраженные во внешнем мире мысли и чувства, которые не являются объектом правового регулирования. Закон устанавливает требования только к выражению воли физических лиц. В отличие от этого, для юридических лиц и публично-правовых образований процесс формирования воли происходит в правовых отношениях и является правовой деятельностью, которая регламентируется законом в зависимости от организационно-правовой формы такого субъекта. Исследовано соотношение понятий воли и дееспособности, в частности, анализируется уровень способности осознавать значение своих действий, необходимый для совершения юридических поступков, а также необходимая степень конкретизации и детализации ожидаемых и желаемых последствий своих действий, которая имеет квалификационное значение для юридических действий. Автор приходит к выводу о значимости осознания базового правового или фактического последствия, но не всех деталей возможных последствий.

Во втором параграфе *«Способы формирования и выражения воли на совершение юридического действия»* рассматривается индивидуальное и коллективное формирование и выражение воли, последнее разделяется на совместное и совпадающее в зависимости от необходимой степени соответствия воли участников коллектива. Процесс индивидуального формирования воли дееспособных физических лиц не нормируется на законодательном уровне. Это связано с тем, что право по своим функциям способно регулировать только поведение, деятельность, т.е. имеющую внешнее выражение человеческую активность, но не мыслительную

деятельность, чувства и пр., тогда как формирование воли физического лица, как было показано выше, – это исключительного его психический процесс. В связи с этим закон не устанавливает никаких правил относительно того, как именно физическое лицо будет приходить к тому или иному выводу и решению.

Границы свободного волеформирования и волеизъявления физического лица установлены исходя из а) представлений о нормальном процессе формирования здоровой личности и ее психического развития путем фиксации в законе возрастных ограничений на формирование и выражение воли на совершение отдельных действий; б) представлений о типичных аномалиях формирования и существования здоровой личности, при которых возможность самостоятельного формирования и выражения воли к совершению правомерных действий ограничивается; в) представлений о кратковременной деформации процесса волеформирования и волеизъявления в результате определенных психических состояний; г) представлений о наиболее типичных сложностях, с которыми сталкивается физическое лицо в процессе формирования воли, связанных с 1) поведением третьих лиц, контрагента сделки, 2) собственными когнитивными искажениями.

Рассматриваются особенности формирования и выражения воли юридического лица. Исследуется сущность решения собрания как способа совершения действия путем совпадающего волеизъявления участников органа юридического лица. Критически оценивается необходимость признавать решение собрания самостоятельным юридическим действием, отличным от актов и поступков.

В третьей главе *«Правомерные действия в гражданском праве»* рассматриваются критерии выделения правомерного действия и анализируются отдельные виды действий. В первом параграфе *«Понятие правомерных действий в гражданском праве»* дается понятие и выделяются признаки правомерных действий. Автор отмечает, что исходя из дозволительного характера гражданско-правового регулирования,

правомерными считаются любые юридические действия, которые прямо не запрещены законом. Делается вывод о том, что гражданское право по-разному регулирует совершение правомерных социально одобряемых, социально безразличных и с социально осуждаемых, хотя и социально не опасных действий, не признанных правонарушениями, стимулируя совершение социально одобряемых действий и в большей степени защищая слабого субъекта при совершении действий второй и третьей групп. Рассматриваются формы совершения юридических действия и сделан вывод, что, юридические акты могут иметь форму активного поведения или пассивного поведения (бездействия, молчания, упущения). Юридические поступки всегда совершаются активным поведением лица. Бездействие чаще, чем действие, оказывается индифферентным праву поведением лица, что связано со сложностями выявления сформированной и выраженной путем бездействия воли лица на приобретение правовых последствий. Обосновывается, что по критерию правомерности целесообразно делить только юридические поступки, поскольку ситуация совершения юридического акта специально для приобретения обязанности претерпевать юридическую ответственность крайне нетипична для гражданского права. Во втором параграфе *«Юридические акты: сущность, классификация»* рассматриваются отдельные юридические акты. Анализируется соотношение понятий «юридический акт» и «сделка», выделяются признаки сделки, рассматриваются отдельные виды сделок. Делается вывод о том, что сделка, как и любой юридический факт, выполняет репрезентативную функцию, представляя (отражая) в юридической реальности нечто существующее, в связи с чем критически оцениваются позиции тех авторов, которые заявляют об отсутствии в реальности явления, соответствующего понятию сделки. Отмечается, что сделка есть отражение реальности, при этом она формируется и совершается исключительно в субъективной стороне лица, путем формирования и выражения во внешний мир воли, направленной на создание правового последствия, желательного для субъекта, которое он разумно может рассчитывать получить, если совершит

точно установленный определенным шаблоном поведения набор телодвижений. Отсюда делается вывод о ритуальности сделки как одном из ее признаков. Анализируется судебная практика совершения сделок с соблюдением и без соблюдения установленных ритуалов. Делается вывод о том, что сделка – это ритуальное действие лица в границах собственного правового статуса, которое в силу закона, обычая, общих начал и смысла правового регулирования рассматривается как направленное на изменение этого правового статуса путем приобретения новых или прекращения имеющихся субъективных прав и обязанностей. Значение сделок определено в следующих сферах: 1) сделка создает правовую форму хозяйственной связи между субъектами, что особенно важно для коммерческих отношений; 2) сделка позволяет конкретизировать потребности субъектов, четко их вербализовать, выразить; 3) понимание, что собственным целям субъект может достичь с помощью совершения правомерного действия, позитивно сказывается на правосознании, правовой культуре и уровне правопорядка; 4) сделки служат охране права собственности, стабильности владения. Показывается сущность силы сделки. Делается вывод о том, что сковывающая поведение другого субъекта сила содержится в правоотношении, а не в юридическом факте, вместе с тем сила, сковывающая само лицо, основана на сделке, содержащей сформированную и выраженную волею, направленную на распоряжение собственным правовым статусом, ограничение себя и своего дальнейшего поведения, обременение себя юридическими обязанностями. Рассматриваются и критически оцениваются отдельные признаки сделки. Специальное внимание уделяется сущности торговой сделки. В третьем параграфе *«Юридические поступки: правовая регламентация и проблемы»* исследуется становление представлений о юридических действиях, специально не направленных на возникновение правовых последствий. Дано понятие юридического поступка как действия, направленного на получение фактического результата, которое в силу указаний закона влечет также и юридические последствия. Отмечается, что

по критерию направленности воли на изменения реального мира или на изменения мира идеального (права), разграничение между сделками и поступками состоит в следующем. Если действие направлено на изменения в реальности – это поступок, если оно направлено на изменение в правах и обязанностях – это сделка. Если одно действие одновременно направлено и на изменения в реальном мире, и на изменения в мире прав, то это действие одновременно квалифицируется как поступок в части, в котором речь идет об изменении реального мира, и как сделка в части направленности на создание субъективных прав и обязанностей. Рассматриваются отдельные виды юридических поступков и демонстрируются сложности, связанные с их юридической квалификацией. Особое внимание уделяется проблеме дееспособности лица при совершении юридического поступка, а также особенностям формирования воли юридического лица при совершении поступка. Сделан вывод о том, что требования дееспособности при совершении юридических поступков в зависимости от вида такого поступка, при этом материальные поступки (результативные действия) не требуют дееспособности для их совершения, тогда как нематериальные поступки требуют дееспособности в той же степени, как и сделки, если иное не установлено законом. В связи с отсутствием в гражданском законодательстве специальных правил, регулирующих совершение поступков, рассматривается проблема применения к юридическим поступкам по аналогии права норм о сделках (как о разновидности юридических действий, т.е. наиболее близкой к юридическим поступкам категории) или восполнение пробелов путем аналогии права – исходя из общих начал и смысла правового регулирования (ст. 6 ГК РФ). Сделан вывод о том, что природа юридического поступка, выделенного как противопоставление сделкам по направленности воли, не позволяет применять по аналогии нормы о сделках автоматически. Каждый случай такого применения нуждается в сопоставлении условий и содержания соответствующего обстоятельства, в выявлении его сходства со сделкой и на основании этого – в решении вопроса о допустимости аналогии закона. В

отличие от аналогии закона, аналогия права допустима в любом случае при обнаружении пробелов, поэтому любые сомнения относительно допустимости применения по аналогии закона правил о сделках к тому или иному юридическому действию, не являющемуся сделкой, должны решаться в пользу отрицания возможности аналогии закона и перехода на уровень аналогии права. Проводится разграничение материальных и нематериальных поступков и рассматриваются отдельные виды поступков, такие как согласия, отказы, сообщение информации, в том числе заверение об обстоятельствах, приобретение имущества путем оккупации, исполнение обязательства фактическими действиями и пр. Специальное внимание уделено юридической квалификации транзакций в сети Интернет, сущности самоисполняющихся договоров (смарт-контрактов). Сделан вывод о том, что смарт-контракт не меняет природу договорного обязательства и делает волеизъявление, направленное на его исполнение отсроченным от фактически наступившего эффекта (передачи товара и пр.). Само выражение воли заключить смарт-контракт предполагает сформированность воли на то, что исполнение заключенного договора (исполняющая обязательство транзакция) будет произведено при наступлении условий, установленных договором.

Принципы свободы права от технической составляющей и приоритета содержания над формой заставляют автора сомневаться в необходимости сопровождения каждой новой технологии новым правовым феноменом. Ключевые для построения юридической доктрины приоритетов состоят в обеспечении стабильности и эффективного действия всей системы юридических понятий, понимания закономерностей развития тех или иных феноменов, корректной защиты права субъектов. В смарт-контракте есть только одно волеизъявление – оно одновременно направлено и на создание юридической связанности, и на прекращение возникшего обязательства. В этом смысле оно одновременно является и сделкой, и материальным поступком, совмещая в себе направленность на правовой и имущественный эффект.

В четвертой главе «*Противоправные действия в гражданском праве*» рассматриваются признаки противоправных действий. В диссертации различается противоправное действие и правонарушение, показаны негативные последствия смешения этих понятий. Противоправное поведение рассматривается как аномалия, деструктивное юридическое явление, в связи с этим основной задачей юридической науки является осмысление причин и условий противоправного поведения и разработка рекомендаций, направленных на организацию такого юридического сопровождения правовой деятельности, при котором данные аномалии будут встречаться минимально. В первом параграфе «*Понятие и квалификационные признаки противоправных действий в гражданском праве*» рассматриваются основные подходы к определению противоправного действия, принятые в российской и зарубежной практике, выделены признаки противоправного действия. Автор приходит к выводу, что для квалификации действия как противоправного с позиций гражданского права, необходимо выявить нарушение нормы позитивного права и субъективного права конкретного субъекта, и в отсутствии одного или другого действие не может быть квалифицировано как противоправное. По мнению автора, противоправное действие в гражданском праве можно определить как юридически значимое аномальное поведение человека, направляемое его волей и сознанием, не соответствующее модели поведения, дозволенной нормами гражданского права в данных обстоятельствах и нарушающее субъективные гражданские права участника гражданских правоотношений. Демонстрируется разница между противоправным действием и одной из его разновидностей – правонарушением, отмечаются последствия необоснованного смешения этих явлений. Выделяется понятие структуры противоправного действия и состав правонарушения. Рассматриваются такие свойства противоправного действия как общественная опасность и социальная вредность. Сделан вывод о том, что общественная опасность или социальная вредность представляют собой свойства деяния, характеризующие направленность на повреждение основ

государственного устройства, правовой системы, нарушение общественных или публичных интересов, интересов слабых субъектов, а также иных особо значимых охраняемых законом интересов. Степень социальной вредности противоправного действия влияет на правовые последствия совершения такого действия в области гражданского права. При определении степени социальной вредности подлежит учету целая совокупность факторов, в том числе, вид и уровень противоправности, объект посягательства, личность лица, совершившего противоправное деяние и личность потерпевшего, размер ущерба, время, место, способ совершения противоправного действия, и др. Выявление существенной социальной вредности вплоть до общественной опасности противоправного действия является основанием применения более существенных правовых последствий, в том числе, противоправные действия, имеющие существенную общественную опасность вызывают правовой эффект независимо от намерений потерпевшего лица. Во втором параграфе «*Правовой эффект противоправного действия*» показаны правовые последствия совершения противоправного действия для лица, совершившего такое действие, потерпевшего, а также иных субъектов (страховщика, наследников, кредиторов и пр.) Отмечается, что противоправное действие может влечь правопорождающие, правоизменяющие и правопрекращающие последствия, причем могут возникать как охранительные, так и регулятивные правоотношения. В третьем параграфе «*Субъекты и структура противоправного действия в гражданском праве*» рассматривается значение отдельных элементов противоправного действия для его квалификации. К объективным признакам противоправного действия можно отнести объект, обстоятельства при которых действует субъект, а к субъективным признакам — процесс формирования воли на совершение противоправного действия (то есть субъективную сторону). Субъекты противоправного действия не включаются в структуру самого этого действия, но их особенности оказывают влияние на все элементы структуры. Значительное внимание уделяется

характеристике потерпевшего – лица, чье субъективное право нарушено в результате противоправного действия. Отмечается, что само понятие противоправности включает в себя указание на действия «против права», а для частного права, назначение которого состоит в обеспечении частной автономии, противоправность предполагает выявление субъекта, против субъективного права которого действует лицо, поэтому отсутствие потерпевшего, приводит к тому, что действие в большинстве случаев не признается противоправным с точки зрения гражданского права. В этом состоит одно из отличий противоправного действия в гражданском праве от противоправного действия в публичном праве, где противоправным может быть квалифицировано действие в том числе и исключительно путем оценки его объективной стороны, без установления лица, субъективное право которого нарушено. Выявление потерпевшего имеет значение для квалификации любого противоправного действия в области гражданского права. Личность потерпевшего в некоторых случаях имеет квалификационное значение для определения противоправности поведения и его правовых последствий. Рассматриваются ситуации множественности лиц на стороне потерпевшего, а также ситуации, когда потерпевший действует не самостоятельно. Исследуется ситуация причинения вреда жизни. Поскольку со смертью гражданина прекращается его правоспособность, то умерший не является потерпевшим в правоотношении, связанном с его смертью и правопреемства в этом правоотношении не возникает. В этой связи анализируются гражданские правоотношения, возникающие в связи с противоправным причинением смерти – отношения по возмещению вреда, причиненному потерей кормильца и отношения, возникающие между страховщиком и лицом, действиями которого причинена смерть при выплате страхового обеспечения выгодоприобретателю в связи со смертью застрахованного лица. Анализируется влияние личности и воли потерпевшего на динамику правоотношения в связи с нарушением его субъективного права. Далее рассматривается субъект, совершивший противоправное действие.

Делается вывод, что для возникновения правового эффекта противоправного действия, не являющегося юридической ответственностью, дееспособность (деликтоспособность) лица, совершившего противоправное действие не требуется. Отмечается, что во многих случаях для возникновения правового эффекта противоправного действия не требуется даже установление личности субъекта, совершившего противоправное действие. Специально анализируется ситуация совершения противоправного действия юридическим лицом: порядок формирования и выражения воли в этом случае отличается от порядка совершения правомерных действий, поскольку в компетенцию органов юридического лица не входит совершение противоправных действий. Проанализированы критерии, с помощью которых действие может быть рассмотрено как совершенное юридическим лицом. В работе анализируется правовое положение лица в правовой сфере которого наступает эффект от противоправного действия и исследуется сущность связанности между этим лицом и лицом, совершившим противоправное действие. Далее рассматривается объект противоправного действия, под которым понимается комплекс нарушенного объективного и субъективного права. Объективная сторона противоправного действия включает в себя обстановку, в которой оно совершалось - время, место, способ и пр. Исследуются формы совершения противоправного действия – активная (действие) и пассивная (бездействие). Рассматривается теоретическая проблема установления причинной связи между бездействием и вредоносным результатом. Специально исследуется правовое значение юридической или физической невозможности действовать определенным образом. Проанализирован вредоносный результат и его виды. Специально исследована концепция чисто экономических потерь и допустимость признания их в качестве вредоносного результата противоправного действия. Изучается субъективная сторона противоправного действия и ее влияние на квалификацию противоправного действия и его правовые последствия. Вина лица, совершившего противоправное действие, представляет собой отраженное во внешнем мире

через объективно воспринимаемые следы отношение лица к совершенному действию и его последствиям, она имеет квалификационное значение для определения природы противоправного действия и влияет на наступающие правовые последствия. Вина лица, совершившего противоправное действие, включается в субъективную сторону противоправного действия, но отражается в объективной стороне через избираемые лицом способ, место, время совершения противоправного действия. Поскольку субъективная сторона охватывает психическое отношение лица-деятеля к происходящему, то всё, происходящее во внешнем по отношению к субъекту-деятелю мире, является для него характеристиками объективной стороны, а не субъективной стороны. В частности, это касается вины потерпевшего, вины кредитора, согласия потерпевшего (при причине вреда с согласия потерпевшего) и пр. Несмотря на то, что вина потерпевшего, кредитора, согласие потерпевшего, кредитора, характеризуют психическое отношение потерпевшего лица к происходящему, с точки зрения субъекта-деятеля они являются составляющими объективной реальности. Вина потерпевшего устанавливается путем оценки обстановки совершения противоправного действия, с учетом которой формируется мотив, цель и воля лица при совершении противоправного действия. Таким образом, вина лица, совершившего противоправное действие включается в субъективную сторону, и отражается в объективной стороне, а вина потерпевшего в гражданском праве должна рассматриваться как характеристика объективной стороны противоправного действия лица, влияющая на его субъективную сторону.

В четвертом параграфе *«Классификация гражданско-правовых противоправных действий»* изложены основные подходы к классификации противоправных действий. Для изложения отдельных видов противоправных действий автор избирает классификацию по характеру нарушенного права, рассматривая особенности нарушения абсолютных и относительных субъективных прав. Особое внимание уделено причинению вреда, нарушению договорного обязательства, неосновательному обогащению. Сделан вывод о

том, что в современной отечественной правовой системе причинение вреда в состоянии крайней необходимости следует квалифицировать в качестве противоправного действия, не являющегося социально вредным, и поэтому не признаваемого правонарушением и не вызывающего в качестве правового последствия юридическую ответственность. Исследование причинения вреда в состоянии необходимой обороны позволило автору заключить, что необходимая оборона, производимая лицом без превышения ее пределов, не может быть отнесена к способам защиты гражданских прав, не является формой самозащиты, а представляет собой меру охраны субъективных гражданских прав причинителя вреда или иных лиц, направленную на предотвращение существующего реального посягательства на субъективное гражданское право.

Завершается работа **заключением**, в котором подводятся итоги работы.

Основные результаты исследования опубликованы в монографиях и научных статьях.

Монографии:

1. Филиппова С. Ю. Юридические факты в гражданском праве: Часть II. Противоправные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. — М.: «Статут», 2021. — 416 с.
2. Филиппова С. Ю. Юридические факты в гражданском праве. Часть 1. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. — М.: «Статут», 2020. — 368 с.
3. Филиппова С.Ю. Фирменное право России. — М.: «Статут», 2016. — 271 с.

Перечень статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 12.00.03

1. Филиппова, С. Ю. Формирование воли субъекта гражданского права при совершении юридического действия // Хозяйство и право. – 2021. – № 4(531). – С. 66-77. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)
2. Филиппова, С. Ю. Естественная убыль, порча и гибель вещей и их гражданско-правовое значение // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2021. – № 3. – С. 27-48. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,341)
3. Филиппова, С. Ю. Естественные препятствия в исполнении обязанностей участниками корпоративного правоотношения: правовые последствия // Хозяйство и право. – 2021. – № 1(528). – С. 109-121. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)
4. Филиппова, С. Ю. Особенности исполнения обязательств из коммерческих договоров // Законодательство. – 2021. – № 2. – С. 34-42. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,200)
5. Филиппова, С. Ю. О текущей ситуации с точки зрения теории юридического факта: гражданско-правовые последствия коронавируса, изменения курса валют, политико-правовых решений органов государственной власти // Хозяйство и право. – 2020. – № 4(519). – С. 47-61. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)
6. Филиппова С. Ю. Коронавирус ушёл. Как нам теперь вернуть право? // Закон. — 2020. — № 5. — С. 42–52. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ- 1,730)
7. Филиппова, С. Ю. Невозможность в частном праве: понятие, виды, правовые последствия. Опыт систематизации норм частного права // Хозяйство и право. – 2019. – № 1(504). – С. 80-97. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)

8. Филиппова, С. Ю. Отмена и изменение правомерного юридического действия: допустимо ли? // Хозяйство и право. – 2019. – № 5(508). – С. 93-107. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)
9. Филиппова, С. Ю. Гражданско-правовая ответственность гражданина (физического лица) // Хозяйство и право. – 2019. – № 11(514). – С. 45-62. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)
10. Филиппова, С. Ю. На границе правового бытия. К вопросу о необходимости выделения понятия секундарного права // Законодательство. – 2019. – № 12. – С. 20-31. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,200)
11. Филиппова, С. Ю. Благими намерениями вымощена дорога в ад: размышления по поводу изменений ст. 3 ГК РФ // Закон. – 2017. – № 3. – С. 92-98. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ - 1,730)
12. Филиппова, С. Ю. Гражданский кодекс Российской Федерации: перемены. Каким быть гражданскому кодексу? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2016. – № 2. – С. 23-42. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,341)
13. Филиппова, С. Сделки, направленные на управление правом голоса участника корпорации: природа, применение, новеллы правового регулирования // Хозяйство и право. – 2017. – № 12(491). – С. 60-71. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,455)
14. Филиппова, С. Ю. Распоряжения на случай смерти: опыт систематизации норм частного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 4. – С. 29-46. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,341)
15. Филиппова, С. Ю. Подпись как символ свободного волеизъявления и средство идентификации субъекта гражданского оборота // Хозяйство и право. – 2017. – № 1(480). – С. 54-72. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)

16. Филиппова, С. Ю. Договор продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. – 2016. – № 2(469). – С. 23-40. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,455)
17. Филиппова, С. Ю. Включение указания на организационно-правовую форму в фирменное наименование: теория и практика // Законодательство. – 2015. – № 12. – С. 23-29. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,200)
18. Филиппова, С. Ю. Неясные условия торговых договоров // Законодательство. – 2015. – № 4. – С. 17-23. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,200)
19. Филиппова, С. Ю. Лишение права как частноправовой феномен: природа, основания, функции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 5(310). – С. 124-142. (Пятилетний импакт-фактор РИНЦ– 0,542)

Перечень статей, по теме диссертации, опубликованных

в иных изданиях:

1. Филиппова, С. Ю. Юридический поступок: проблемы квалификации и применения норм о сделках // Актуальные проблемы правового регулирования и нотариального удостоверения сделок в Российской Федерации : Материалы конференции с международным участием, Ростов-на-дону, 24 мая 2019 года. – Ростов-на-дону: Южно-Российский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2019. – С. 40-59.
2. Филиппова, С. Ю. К вопросу о понятии сделки и договора. Проблема выделения торговых сделок // Коммерческое право. Научно-практический журнал. – 2019. – № 1(32). – С. 65-90.